

Литературные известия

№ 6 (216)

Июнь 2023

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

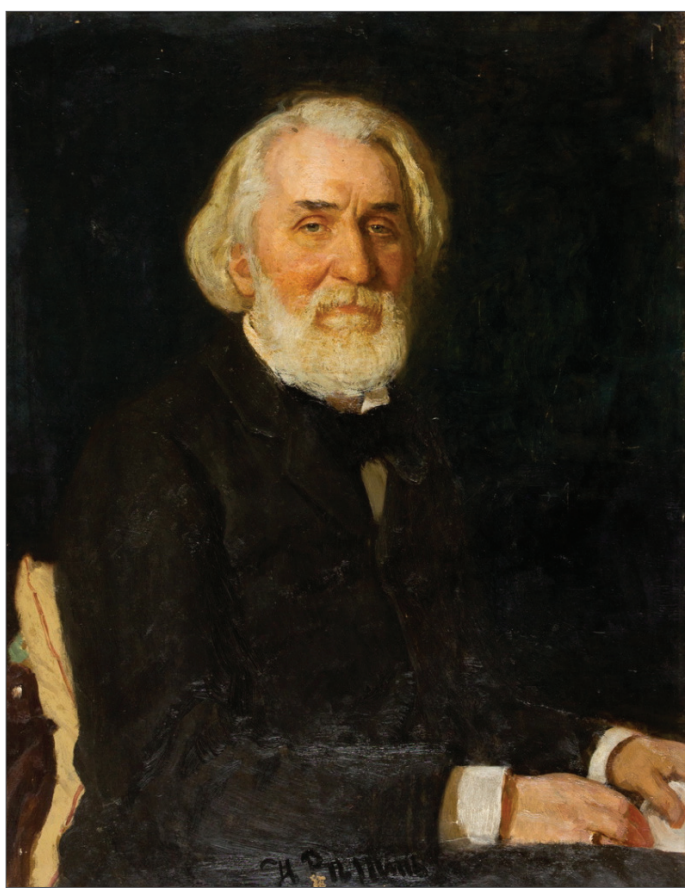
Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВО, ИСПОЛНЕННОЕ ЛЮБВИ И СВЕТА

(В ПРЕДДВЕРИИ 205-ЛЕТИЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ-КЛАССИКА

ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА)

Портрет И. С. Тургенева, 1979 год. Художник И. Е. Репин

На протяжении всего своего писательского пути и даже на закате дней Лесков продолжал отстаивать литературное наследие своего великого земляка. Имя Тургенева не сходило со страниц беллетристики и публицистики, эпистолярного наследия и воспоминаний Лескова от истоков его творчества до того периода,

тику событий, описанных в Деяниях, — «чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу»; «много чудес и знамений совершилось через Апостолов»; «Ты простираешь руку Твою на исцеление и на содействие знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса» (Деян. 2: 19, 43; 4: 30) — писатель наполнил актуальным

«Необходимо всем писателям сплотиться вместе и встать на защиту святой веры от врагов ея».

И. С. Тургенев

который сын писателя Андрей Николаевич Лесков назвал «путем к маститости», «в зените чтимости и на закате дней»¹.

Нередко в художественную ткань лесковского текста органично вплетаются тургеневские цитаты, созвучные умонастроениям Лескова и идейно-художественному пафосу его произведений. Например, лирическая медитация эпилога романа Тургенева «Дворянское гнездо»: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»² — звучит в поздних лесковских письмах, в рассказе «Колыванский муж» (1888).

В журнале «Церковно-общественный вестник» Лесков опубликовал цикл статей «Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки» (1878)³. Характерис-

смысл, аналитически выявляя «болевы точки» современной России.

Одну из статей данного публицистического цикла Лесков посвятил Тургеневу в его юбилейный год — именно в тот переломный период, когда 60-летний писатель объявил о своем намерении прекратить литературную деятельность.

Вовсе не случайно для отклика на взбудоражившее общественность намерение Тургенева «положить перо» Лесков избирает страницы «Церковно-общественного вестника», в котором он много и плодотворно сотрудничал в 1870-е — 1880-е годы. Это издание привлекало писателя, горячо убежденного в том, что в Евангелии сокрыт «глубочайший смысл жизни» (XI, 233), стремлением к христианскому деланию, умением быть «беспристрастным», сохранить «в своем скромном положении всю свободу отношений к вопросам жизни нашего общества»⁴.

Редакция журнала в бесподписной «Литературно-общественной заметке (По поводу прекращения литературной деятельности И. С. Тургенева)» (1878) высказывалась в защиту «ветерана нашей художественной литературы Ивана Сергеевича Тургенева»⁵ незадолго до появления статьи Лескова, который продолжил поднятую тему «об этом же высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях "положить перо и более за него не братья!"» (2).

Продолжение на стр. 2

РЕКЛАМА

**«Диалог» —
ЭТО ВАШ
ТЕЛЕКАНАЛ!**

**ТЕЛЕКОМПАНИЯ
«Диалог» СОЗДАЕТ
ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ
И ФИРМАХ,
КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ
ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ
В ЖИЗНИ.**

www.tv-dialog.ru

НОВОСТИ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ В БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ М. А. ВОЛОШИНА: АНОНС

Поэт, прозаик и издатель, руководитель издательства «Вест-Консалтинг» и **Союза писателей XXI века Евгений Степанов** выступит 21 июня 2023 года (начало вечера в 19.00) в библиотеке имени М. А. Волошина.

Писатель представит свои антологии «Они ушли. Они остались» (в трех томах), «Жанры и строфы современной русской поэзии» (в трех

томах), книгу мемуаров «Люди истории. Истории людей», а также прочтет новые стихи из готовящейся к печати книги «Преодоление».

Приглашаются все желающие.

Адрес библиотеки: Новодевичий проезд, 10, напротив Новодевичьего монастыря.

Соб. Инф.

РЕКЛАМА

<http://writer21.ru/>

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —

**современная писательская организация,
идушая в ногу со временем**

и отвечающая потребностям творческих людей.

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Продолжение. Начало на стр. 1

С лесковской точки зрения, заявленное Тургеневым намерение столь общечеловечески значимо, что произнесенный им «обет молчания» никак «нельзя пройти молчаливым» (2). Роль писателя в жизни и развитии России столь велика, что деятельность власть предержащих, сильных мира сего не идет ни в какое сравнение: «его <Тургенева. — А. Н. -С.> решимость "положить перо" — это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку» (2).

О напускной значительности высоких чиновных персон — важных с виду, а по сути никчемных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству (уместно вспомнить поэтические строки «Колыбельной песни» (1845) Некрасова: «Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой»), — Тургенев высказался в романе «Новь» (1876): «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнут в нос; и только самые высокие сановники и хрипят и гнут в одно и то же время»⁶.

Лесков подхватил и развил эту выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: «в его <Тургенева. — А. Н. -С.> последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, "хрипят", а по штатской — "гундосят". Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или "хрипеть", или "гундосить". В этом скука и несчастье России» (3). Поистине — универсальный портрет «крапивного семени» неистребимой бюрократии. Лесков обнажает ее низменные «зоологические» черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона» (3).

Так писатель отводит своему старшему земляку первостепенное место не только в отечественной словесности, но и в общественной жизни России: «Иван Сергеевич — лицо слишком крупное среди всех наших величин. <...> На художественных образах Ивана Сергеевича совершался подъем нашего вкуса и чувства; он силою своего вдохновения раздуд в наших сердцах божественную искру сострадания и участия к "крепостному человеку" — искру, обратившуюся в пламя» (2). «Божественная искра», зажженная Тургеневым, для Лескова христианина не просто словесно-поэтический образ.

В тургеневских типах, по верному лесковскому суждению, выражена квинтэссенция социально-психологического состояния современной эпохи: «О Тургеневе говорили, что, прежде чем что-либо задумать и писать, он приглядывался и прислушивался к тому, что говорят и чем сильнее занимаются в обществе. Оттого будто бы, когда появлялось его произведение, где описывался известный тип и характер, в обществе чувствовали, что это что-то знакомое, что об этом именно думали, говорили и художник в своем произведении только осветил и разъяснил то, что мелькало в умах, но представлялось смутно и неясно» (XI, 146).

Вывод Лескова о громадной роли Тургенева в духовно-нравственной жизни страны: «Он представитель и выразитель умственного и нравственного роста России», — заострен против недостойных выходок тех, кем «множественно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» (2).

Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно» (2). Тех и других Лесков уподобляет, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злобы хватились зубами за свой собственный хвост» (2). «Осмеять можно все, — замечает автор статьи, — как все можно до известной степени опознать. С легкой руки Цельзья было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения» (3).

Лесков горячо выступил в защиту «генерала от литературы» Тургенева — «слишком крупного среди всех наших величин» — от всякого рода «литературных <и не только литературных. — А. Н. -С.> хамов» (2). Травлю великого русского писателя устраивала не одна литературная критика. Подключились дворянство и бюрократия — в гнуснейших проявлениях чиновничьего чванства. Лесков изложил подлинные факты неуважительного отношения к Тургеневу даже со стороны его земляков — орловского дворянства и чиновной братии: «Какие хамы у нас в двор<янских> собраниях и в думах: отчего ни Орёл, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью "Новостей", где литературный хам "отделал Фета". Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья! <...> Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не менее столоначальников департамента» (XI, 375).

В тургеневском творчестве видел Лесков «торжество нации» на всемирном уровне: «это "мирное завоевание" в образованной среде дали России <...> мягкосердечный Тургенев и Лев Толстой <...> А что им за это дома? Шиш и презрение глупцов, презрения достойных»⁷. Невыдуманный лесковский «рассказ к стати» на эту тему, практически не извест-

ный широкому кругу читателей, заслуживает того, чтобы детально с ним познакомиться.

Лесков пишет: «И у меня есть пример, как относится к Тургеневу среда очень ему близкая, которая могла бы по преимуществу показать свое уважение к нашему писателю, — это его земляки в самом тесном смысле слова, — орловское просвещенное дворянство.

Несколько лет назад (когда уже Тургенева сильно порицали в литературе) я гостил летом у моего двоюродного брата, орловского предводителя дворянства, и в одном разговоре о Тургеневе заметил:

— Чтобы хоть вам выразить свое сочувствие Ивану Сергеевичу, которым может гордиться ваша среда: хоть бы одну стипендию его имени учредили в своей гимназии да хороший портрет его повесили в читальной комнате дворянского собрания!

Брат улыбнулся и отвечал:

— К сожалению, это невозможно.

— А почему?

— А потому, что он у нас не пользуется большими симпатиями.

Н. С. Лесков

— За что же?

— Да так... Эти его "освободительные идеи", и прочее... Куда тут о нем заговаривать?

Так о нем и там, на стогнах града, который может гордиться честью его рождения, "неудобно заговаривать". Это уже совсем доля пророка, которому нет чести в отечестве своем.

<...> и вот после одной из самых недавних побывок Тургенева, один личард особых поручений <в значении — верный слуга, лакей, раболепный чиновник. — А. Н. -С.>, обращающийся при докладе у одного сановника, рассказал, как "они дали Тургеневу асаже", то есть пустили его, по его обер-офицерскому чину <низший офицерский чин от 14-го (последнего) до 9-го класса в "Табели о рангах". — А. Н. -С.>, самым последним. И этот господин, пожалуй, не лгал: теперь это вполне достаточно. По крайней мере, явные и тайные советники <тайный советник — гражданский чин 3-го класса в "Табели о рангах" — соответствовал высшим государственным должностям. — А. Н. -С.>, при коих мне довелось слышать рассказ об этом крупном событии, находили, что это так и следовало. "Прежде всего-де порядок".

Таким-то способом эти знаменитые люди и сподобились дать почувствовать европейски известному соотечественнику свое департаментское величие! И они рады, они хвастались, что нашлись, как отомстить Тургеневу» (4–5).

По обыкновенному бюрократическому заведению канцелярское ничтожество устраивает свою гаденькую «мсть» великому писателю за его талант и свою бездарность. «Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет»⁸, — говорится в другой лесковской статье — «Заповедь Писемского» (1885).

Впрочем, уже весело замечает Лесков о Тургеневе, «Иван Сергеевич был отомщен каким-то отставным "корнетом Отлетаевым", который, не любя дожидаться, назвал себя самым большим советником и вошел в рай первым» (5).

Независимый в своей христианской позиции — вне партий и так называемых «направлений» — Лесков и в данном случае также выступил против «направленской лжи» (X, 243) и «узости». Он высоко ценит Тургенева за то, что писатель, верный

правде художественного факта — «едва ли не самой важной правде», — не потакал «вкусам и наклонностям того или другого направления» — «направленской фантазмагии»: «изображенные им лица по преимуществу не отвечают требованиям направленной прямолинейности, которая желала бы видеть в Базарове или рыцаря без пятна и упрека, или негодяя, тогда как он только то, что есть <...> Но художник был ни на той, ни на другой стороне. Он был просто на стороне *правды*» (3–4). Точно так же сам Тургенев в статье «По поводу "Отцов и детей"» (1869) формулировал свое писательское credo: «я прежде всего хотел быть искренним и правдивым» (11, 90). Писатель в полной мере сознает себя духовно и нравственно ответственным за каждое слово; в художественном изображении жизни стремится быть предельно объективным, безупречно честным, слушаться голоса совести: «совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно, и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному мною типу; я слишком уважал призвание художника, литератора, чтобы покривить душой в таком деле. Слово "уважать" даже тут не совсем у места; я просто иначе не мог и не умел работать» (11, 87).

Из-за чего же Тургенев решился «положить перо»? Лесков размышляет: «Из-за того, что с ним грубо обошлись? Это едва ли достойно его благородного характера и крупного дарования <...> у нас грубо обходятся со всеми, кроме тех, с кем не смеют так обходиться. Но что же с этим делать? Неужто сейчас и бежать, надув губу, как барышня среднего круга, которая всем обижается? Это не лучшая черта в характере общественного человека» (4).

Со всей прямоотой, свойственной его кипучей натуре, Лесков укоряет Тургенева за «едва ли зрело обдуманное и во всяком случае недостойное его решение не брать пера в руки». В то же время этот вынужденный «почтительный укор» высоко ценному писателю продиктован «любовью и почтением» к нему. Однако по праву тех, «кто любит и ценят» Тургенева (Лесков, без сомнения, наделен всей полнотой этого права), он указывает на «недостаток мужества при некотором излишнем *самолюбии*, скрывающем от его <Тургенева. — А. Н. -С.> нынешней наблюдательности всегдашнюю, неизменную *любовь* к нему истинно образованных людей» (4).

С законной гордостью говорит Лесков и о своем родном городе, подарившем мировой культуре знаменитого писателя-земляка: «в Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброй славой во всем образованном мире». В то же время с болью признает Лесков горькую библейскую истину о судьбе пророка в своем отечестве: в России писатель с мировым именем должен разделить «долю пророка, которому нет чести в отечестве своем» (5).

Автор «Чудес и знамений» для полноты картины приводит факты о том, как готовились поляки к общенациональному празднованию юбилея их романиста Крашевского, который, по мнению Лескова, «стоит чего-нибудь только за неимением лучшего на их полнейшем литературном безлюдье» и не достиг, «чтобы понести портфель за нашим европейски известным Тургеневым» (4). С горечью и болью это сопоставление продолжено в бесподписной статье «Успех Крашевского» (1878): «Поздравляем господ поляков с умением уважать и ценить своих писателей и не без любопытства ждем: чем они еще искусятся пристыдить нас за наше жестокое обращение со своими замечательными людьми»⁹.

Писатель считает, что из-за «подобных противных пустяков» нельзя отворачиваться от русской жизни «лучшим людям, чтобы не предать в ней все целиком людям худшим» (5). Лесков убежден, что в принятии ответственных решений выдающимся писателем должны руководить не «обидчивость», не излишнее «самолюбие» и не упадок мужества в окружении стана «злоехидных» врагов-злопыхателей (к слову, собственную литературную судьбу Лесков не раз обозначал поэтическими строками: «Здесь человека берегут, / Как на турецкой перестрелке»), а только любовь — к Родине и ее людям, кому необходим честный и чистый голос великого русского художника слова.

Лесков напоминает о заветах евангельской любви и прямо Тургеневу адресует апостольские слова, выделенные в статье цикла «Чудеса и знамения» курсивом: «любовь <...> никогда не перестает», — стремясь побудить писателя отказаться от решения перестать творить: «Любовь долготерпит, милосердствует, не гордится, не раздражается — все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит и никогда не перестает, хотя и языки умолкнут и знание упразднится» (1 Кор. 13: 4–8)» (5).

Проводя сопоставление писательских воззрений своих крупнейших современников — Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, — которых русская общественность одинаково нарекла «великими учителями» (XI, 155), Лесков в статье «О куфельном мужике и проч.» (1886) определил тургеневскую литературную

Продолжение на стр. 3

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВО, ИСПОЛНЕННОЕ ЛЮБВИ И СВЕТА

(В ПРЕДДВЕРИИ 205-ЛЕТИЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ-КЛАССИКА ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА)

Окончание. Начало на стр. 1

позицию как гуманистическую: «Достоевский был православист, Тургенев — гуманист, Л. Толстой — моралист и христианин-практик. Которому же из этих направлений наших трех учителей мы более научаемся и которому последуем?» (XI, 156).

Собственные мировоззренческие установки и идейно-художественные искания Лескова — самобытнейшего писателя русского — в этот контекст не укладываются. Так, они не исчерпываются понятием «гуманизм», поскольку оно, по верному замечанию Д. С. Лихачёва, не передает «всей гаммы сочувствия и любви»¹⁰, которая свойственна творчеству Лескова. Его художественный мир одухотворяется идеей христианского подвижничества, праведничества.

Замечательные образы праведников оживали и в тургеневском творчестве (например, Лукерья — героиня рассказа «Живые мощи» (1874) — напоминает сострадательно-одухотворенные женские лики русских икон).

Полузабытая лесковская статья «Пустозвон Питча о Тургеневе»¹¹ (1884) важна тем, что была направлена на защиту Тургенева от неосновательных нападок газеты А. С. Суворина «Новое время». Писатель обратился с письмом к своему «коварному, но милому благодетелю»¹² (как он называл Суворина) по поводу своей полемики с редакцией «Нового времени» о Тургеневе. Лесков указал, что не может оставлять без внимания и не замечать невежественных попыток превратного толкования дорогого для него тургеневского творчества: «есть вопросы, мне очень дорогие и близкие. Когда о них пишут неверно, я не утерплю и замечу <...> Тем, кого это досадует, — лучше бы не сердиться, а стараться быть сведущее»¹³.

В статье «Писательская кабала» (1894) Лесков уже на закате дней с характерных для него литературно-общественных позиций продолжает отстаивать тургеневское художественное наследие.

Эта поздняя статья перекликается с дебютной публикацией Лескова, обозначенной постановкой духовной христианской темы. Первым печатным лесковским произведением явилась статья о распространении Евангелия на русском языке «О продаже в Киеве Евангелия» (1860). Вступивший на литературное поприще молодой автор, ратуя за распространение в русском обществе духа христианства, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не всем. С самого начала творческого пути писатель определился в своих созидательных установках. Первая его корреспонденция явилась «духовным компасом», указавшим автору магистральное направление всего его творчества: «случайно или умышленно, — отмечал биограф П. В. Быков, — но Лесков словно наметил в ней <замечку — А. Н. С. > программу <...> всей будущей своей деятельности, которая была посвящена на борьбу с неправдой, с невежеством, со всеми темными сторонами жизни, на горячую проповедь добра, любви к ближнему, всего светлого, честного, прекрасного»¹⁴.

Поднятая в крохотной заметке проблема оказалась столь животрепещущей, что получила большой общественный резонанс¹⁵. Написанное «на злобу дня» пережило «сиюминутность» газетного существования. Важность той давней публикации отмечалась даже и тридцать лет спустя. В 1890 году «Новое время» указало на первую лесковскую «корреспонденцию из Киева, в которой автор скорбел о том, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда только изданное на русском языке, продается по ценам возвышенным, вследствие чего много людей небогатых лишены возможности приобрести книгу слова Божия»¹⁶.

Лесков отметил как «новую» и «радостную» возможность «удовлетворения насущной потребности читать и понимать эту книгу», переведенную «на понятный нам язык»¹⁷. В то же время автор заметки с возмущением пишет о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом «русском» Евангелии всего лишь ходовой товар и сделавших его предметом бессовестной наживы.

В дописательские годы сам Лесков занимался делами коммерческой фирмы и хорошо знал экономические законы. Однако в данном случае автор «Корреспонденции (Письма г. Лескова)» (1860) справедливо требует отличать в книжной торговле «дело Божеское» от спекулятивно-коммерческого: «как же книгу, назначенную собственно для общего употребления всех и каждого, сделать такую недобросовестно спекуляцией?» (1, 150). Автор заметки особенно огорчен тем, что переведенное на русский язык Евангелие, ставшее доступным для понимания простых людей, не попадет в руки паломников со всей Руси, которые «всегда покупают в Киеве книги духовного содержания»: неимущий киевский «пешеход-богомолец» «принужден отказать себе в приобретении Евангелия, недоступного для него по цене» (1, 147).

Как и в дебютной своей публикации, в которой начинающий автор выступил против беззастенчивых спекуляций

с Евангелием, Лесков в статье «Писательская кабала», написанной за год до смерти, снова возвышает свой голос в защиту духовности, поднимая важную социально-нравственную проблему, которая имеет также правовой, юридический аспект.

Речь идет об авторском праве, а также о проблеме книгоиздательства, о распространении и доступности для самой широкой читательской аудитории доброкачественной духовной пищи из сокровищницы русской литературы — имя Тургенева и его произведения поставлены здесь на первое место.

Поводом для написания статьи послужило второе издание в серии «Доступная библиотека» И. И. Глазунова тургеневских рассказов «Живые мощи» и «Муму». «Г-н И. Глазунов начал издавать "Доступную библиотеку". <...> В чем же именно заключается, по его мнению, эта "доступность"? — задается вопросом Лесков. — Как обладатель прав на издание сочинений И. С. Тургенева, г. Глазунов в 1884 году надумался выпустить дешевыми брошюрками (по 4, 5, 6 коп.) его рассказы из "Записок охотника". Изданные хотя и неопратно, плохо отпечатанные, непрочно сброшюрованные, с плохим портретом Тургенева на каждой обложке, брошюрки эти, однако, бойко пошли по школам и в среде неимущих читателей благодаря, конечно, высоким достоинствам своего содержания и невысокой цене. Но г. Глазунову захотелось сделать их

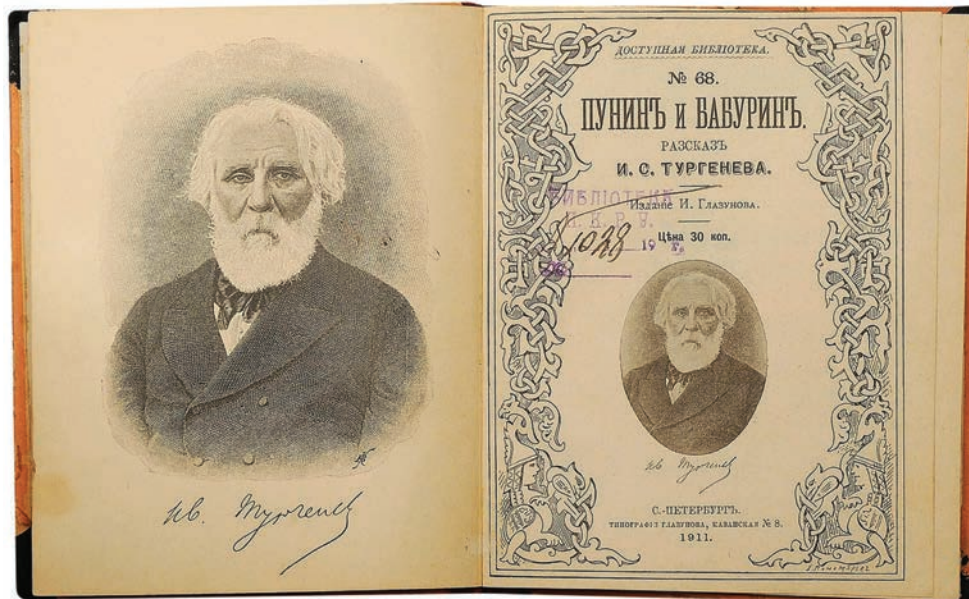
жизни, что позволяет писателю совместить должное и горнее, тленное и нетленное, мимолетное и непреходящее, вечное.

Лесков горячо защищал дорогое для него имя Тургенева от бессовестных спекуляций, ратовал за подлинную, а не показную доступность его произведений для самого широкого круга читателей, за необходимость истинного постижения тургеневского творчества, исполненного любви и света, который «и во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 2. — С. 169, 359.
2. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. — Т. 11. — С. 421. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.
3. Церковно-общественный вестник. — 1878. — № № 19, 24, 25, 28, 33, 34.
4. Лесков Н. С. Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 34. — 19 марта. — С. 2. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
5. См.: Б. п. Литературно-общественная заметка (По поводу прекращения литературной деятельности И. С. Тургенева) // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 27. — 3 марта. — С. 3–4.
6. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978–1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 9. — С. 252–253. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
7. Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 435.
8. Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч. — Т. 1. — С. 279.
9. Б. п. Успех Крашевского // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 40. — 2 апреля. — С. 5. Подшивка «Церковно-общественного вестника» за 1878 год с многочисленными пометами сына Н. С. Лескова хранится в личной библиотеке Андрея Николаевича Лескова в Орловском государственном литературном музее И. С. Тургенева. А. Н. Лесков называет указанную безподписную заметку «лесковской». По тематике публикация непосредственно связана с фрагментом статьи Н. С. Лескова «Чудеса и знамения» о Тургеневе (см.: Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 34. — 19 марта. — С. 2–5).
10. Лихачёв Д. С. Слово о Лескове // Литературное наследство. — Т. 101: В 2 кн. — Неизданный Лесков. — М.: Наследие, 1997. — Кн. 1. — С. 16.
11. См.: Новости и Биржевая газета. — 1884. — 23 августа. — № 232.
12. См.: Лесков А. Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 444.
13. Из литературного наследия Н. С. Лескова. Публикация J.-C. Marcadé // Revue des études slaves. Tome cinquante-huitième. — Fascicule 3. — Nikolaj Semenovič Leskov. 1831–1895. — Paris, 1986. — P. 438.
14. Быков П. В. Н. С. Лесков. Воспоминания // Всемирная иллюстрация. — 1890. — № 20 (112). — С. 333.
15. Заметка была опубликована без подписи в газете «Указатель экономического» (1860. — № 181. — Вып. 25. — С. 437); в очередном номере «Указателя экономического» (1860. — № 186. — Вып. 30. — С. 508) появилась новая анонимная заметка на ту же тему; с подписью: Николай Лесков — напечатана «Корреспонденция (Письмо г. Лескова)» // Санкт-Петербургские ведомости. — 1860. — № 135. — 21 июня. — С. 699–700. Эта же работа была перепечатана под заглавием «Нечто о продаже Евангелия, киевском книгопродавце Литове и других» // Книжный вестник. — 1860. — № № 11–12. — С. 105–106.
16. Б. п. // Новое время. — 1890. — № 5139. — 21 июня. — С. 3.
17. Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: ТЕРРА, 1996 — издание продолжается. — Т. 1. — С. 149. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.
18. Лесков Н. С. Писательская кабала // Литературное наследство. — Т. 101: В 2 кн. — Неизданный Лесков. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — Кн. 2. — С. 259.
19. Там же. — С. 260.
20. Там же. — С. 261.

«доступными»: он печатает их так же неопратно, как и раньше, снимает с обложки портрет автора и заменяет его скверным, глупым до смешного рисунком микроскопического размера, на титул ставит аляповатую рамку, перед титулом — рисунок, не подходящий к тексту и намазанный каким-то малярных дел мастером, и для большей «доступности» назначает за всю эту безвкусицу цену гораздо выше прежней...»¹⁸.

Лескова возмущает аляповатость издания тургеневских рассказов, в котором форма не отвечает внутреннему эстетическому содержанию гармоничного творчества Тургенева, — а также спекулятивная цена, назначаемая за вульгарно изданную книгу великого писателя и делающая таким образом чтение его произведений недоступным для народа.

Поднимая юридические вопросы об авторском праве, создатель статьи «Писательская кабала» горячо протестует против закона о сохранении прав литературной собственности за издателем в течение 50 лет после кончины писателя. Столь долговременное монопольное владение крупных книгоиздателей — «торгашей», «людей наживы и спекуляций» — литературными правами умерших и живущих писателей не может не претягивать, по справедливому мнению Лескова, распространению творческого наследия великих художников слова для самых широких слоев читателей: «желая набрать по несколько лишних грошей с каждой брошюрки, г. Глазунов тормозит распространение сочинений одного из наших крупнейших писателей. И может тормозить его еще 39 лет, пока, по существующему закону о литературной собственности, не истечет 50 лет со времени кончины писателя»¹⁹.

Статья Лескова, хорошо знавшего книжное дело в России, подводит невеселые итоги: «В том-то вся беда и заключается, что почти все издательское дело находится в руках людей наживы и спекуляции. <...> все это <...> спекулянты, аферисты, ни о каком духовном росте не помышляющие, не имеющие ничего общего с литературой, ворвавшиеся в нее с улицы. И те и другие губят писателя. А умрет он — начинают жать соки из его сочинений, кабальничать и тормозить их и уверяют, будто создают "доступные библиотеки"»²⁰.

Речь идет об особом духовно-аналитическом подходе к оцениваемым событиям общественной и литературной

Бодр и высок дух очередного номера журнала, и многое он может дать чуткому читателю.

ПЕРИОДИКА

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ СМИ

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ПЕРСОНА PLUS», № 1, 2023

...Таинственно пройдет **«Персона PLUS», № 1, 2023**, драпируясь в поэтические одежды и неся пестрый букет, составленный из великолепных созвучий...

...Тонкое туше звука, нежное прикосновение к клавишам слов демонстрирует **Константин Кедров-Челищев**:

Где спряталось мое сердце
Напуганное этим миром
Оно затаилось в этих стихах
И в тех которые еще не возникли

Оно в тех вещах которые любила Елена
Еще не утративших земную форму
В изображеньях хранящих ее очертанья

Смерть переходит в бесконечное лучение
строк, протянутых в седые и сияющие недра
вечности...

Константин Кедров-Челищев ловит невыразимое, декларируя со стоической нежностью:

Вдаль уходит звездная дорога
По которой мысль идет скользя
Музыка такая недотрога
Что о ней и говорить нельзя

Сердце переполнено тобою
Дрожь Шопена даже в тишине
Я с тобою я всегда с тобою
Умоляю помни обо мне

...Легкость снега и значительность музыки своеобразно фокусируются в поэзии **Любови Берёзкиной**:

Ожидается снег, даже вьюга
в пять часов три минуты зимы,
на ветру отрываясь от звука,
тишиною становимся мы

и теплом белотелым, двуногим,
что само по себе — ни о чем,
если нет одинокой дороги
с камышовым ее словарем...

Ее стих всегда таинственен, и оттеночная игра звучит настолько всерьез, что дело поэзии — как постижения яви — становится несомненным.

Из будущей книги «Преодоление» разворачиваются ленты стихотворений **Евгения Степанова**:

Дача избегает городских заскоков.
Тихо — слышу сосен робкие шаги.
Над землей летает бабочка-Набоков,
Вырастают флоксы-Хлебников-Айги.

Тихо — слышу эхо праведного праха.
Тихо — в спячке лихо — оживает прах.
И сидит на ветке маленькая птаха
И гипнотизирует будущего крах.

Мир природной конкретики гипнотически переплетается с поэтическим космосом, доклевывая, насколько органически все соединяется в мире...

А вот — краткая строка: легкая, летящая, наполненная мелькающими огоньками смыслов:

Тут мир настоящий —
Берез и стрекоз.
Тут Будда будящий,
Летающий Христос.

Тут домик из бруса,
Крыльцо и скамья,
Терраса, Таруса —
Речушка моя.

Тут небо не мхуро
Дождем подмигнет.
Тут мне дядя Юра,
Как Бог, подмогнет.

Плотно насыщенные стихи **Екатерины Вавиловой-Комаровой** воспринимаются как удивительные цветы озарений и ощущений:

Ты смотришь на меня
влюбленными глазами,
И точно так же я в глаза твои смотрю,
Одним далеким днем случилось это с нами,
С тех пор стоят часы, назло календарю.

И больше от тебя мне никуда не деться,
Ты стал моим огнем и каменной стеной,
Во мне теперь твое как будто бьется сердце,
Я не могу дышать, когда ты не со мной.

И, таинственно проходящая меж прагматикой и эгоизмом **«Персона PLUS»**, обещает тонкость и нежность тому, кто способен понять красоту поэтического слова...

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ЗИНЗИВЕР», № 3, 2023

Апрель... заиграл в свою свирель; незаметно откликнулись почки, расцветивая реальность, балансирующую вечно между светом и тьмой...

Но — весенние песни **«Зинзивера»** полны светлыми стремленьями, ибо подлинность поэзии — всегда от небесной вертикали.

...Колоритно вспыхнет «Фиолетовая бездна», представленная **Юрием Казариным**, вовлекая в себя симфоническим звучанием поэтических текстов:

Клюв у времени в крови,
у воды темнеют очи —
очи боли и любви:
вечность по ночам короче —
клюв у времени в крови,
это первой смерти завязь —
птичку страхом принесло:
пролетели, убиваясь,
сквозь оконное стекло —
в доме страшно и светло,
в небе узкие осколки,
с первородной синевой —
до утра глотают волки —
пустоты беззвучный вой.

Порою стихотворение у Казарина — одна, причудливым орнаментом представленная строка, разбитая согласно рифмо-делению; такова уникальная смысловая плотность произведений поэта. Они, минуя преграды времени, представляют собой своеобразный алхимический мир метафор и мысли, рифмы и эпитетов.

...А смерть, обещающая последнюю расшифровку поэтической мудрости, дается с верой в бессмертие:

Умрешь — и узнаешь,
какие ты пишешь стихи:
последней душой вылетаешь,
как ласточка из-под стрехи.

И видишь последнюю воду,
и знает последняя дрожь,
какую такую погоду
ты завтра сюда приведешь.

...Очень нежно и очень по-женски колышутся на эсхатологическом ветру времен тон-

кие и трепетные листочки стихов **Нatalьи Разувакиной**:

Я вдоль тебя лежу-лечу-пою
И ощущаю худенькость свою,
Тростинковость Тристановой печали.
В начале мы наверное в конце
Предстали мы пред Божие лице
Без запятых, чтоб мы не различали...

Прелестны эти «худенькость» и «тростинковость», эта выразительная неправильность слов, придающая речи поэта дополнительной обаяние; великолепен и скорость, на которой развиваются стихи Разувакиной — точно исследует ею пресловутую скорость жизни: когда между детским садом и могилой оказываются... две секунды.

Стихи **Любови Берёзкиной** максимально выразительны: звуком, сравнениями, они — обходясь без больших букв — словно проступают из массы яви. Проступают, чтобы заявить: мы были всегда.
И — будем:

воздух пропитан сиропом, как торт,
как белый сухой бисквит,
свет раскрывает огромный рот,
но все равно молчит,
и, как большая слеза,
оса ползет по щеке плода,
и даже когда открываешь глаза —
в них свет и вода

...Вода жизни, которую дарит, таинственно мерца, запредельный свет...

Сложна геометрия поэзии **Сергея Бирюкова**; она вызывает множество ассоциаций, несет в себе слои культурологического подтекста. Это поэзия, настоящая на молитве и алхимическом эксперименте:

по ступеням возносишься к небу
где молилась Господу Дева Мария
где молитва от слова до слова
достигала вершины
и ниспадала
одеяньем
платком сиянным

...Жизнь, льющаяся разнообразной плазмой — с огнями самоосуждения, с парадоксами сопоставлений себя с другими, с тригонометрией притяжения и не-притяжения себя, — густо вливается в строки поэзии **Евгения Степанова**:

Я живу, как лузер и как голь,
не воспринимаю жизнь как няню.
Просто заговариваю боль тем,
что потихоньку графоманю.

Я живу, эпоху не кляня, как судьба,
шутя, предначертала.
Не похвалит в «Знамени» меня
за мои книжонки Ольга Балла.

Знаю, что талантлик мой смешной,
только не считаю это драмой.
Ведь когда любимая со мной,
все равно я самый-самый-самый.

Лучезарный кристалл любви пронизывает своими снежно-золотыми лучами свод, постепенно творимый поэтом.

Жесткими красками рисуется портрет современника. И не может быть иначе в мире, отторгающим гуманитарные ценности все больше и больше:

...И еще одного обломала эпоха,
А точнее, не эпоха, а черт знает что.
Вот он вышел во дворик, поэт-выпивоха,
В этом некогда классном (от Зайца!) пальто.

Вот он вышел. И сел покурить на скамейку.
И ему тяжело, а, быть может, начхать,
Что он вновь накопал рядовую статейку.
Все равно все статьи выходят в печать.

Трагедия преодолевается стоицизмом, отсюда следует:

Тяжело, даже очень, однако
У меня есть работа, жилье.
А еще появилась собака.
Это счастье — погладить ее.

...Поэзия Евгения Степанова, своеобразно соединяя иронию и метафизику, всегда воспевавшая жизнь.

Интересно строятся рассказы **Олега Рябова**; их внешняя, бытовая сторона — со скербом жизни, с ее прожилками бессмысленности, усталости, абсурда — сочетается с ощущением магических мерцаний, которые ощутил поэт и прозаик и перенес, разработав индивидуальную стилистику, в мир своих рассказов.

Глубокое исследование **Бориса Колымагина** «Лев Толстой и андеграунд» и рецензии, представленные ближе к завершению номера журнала, своеобразно зажгут словесные фонари, освещая определенные коридоры литературного процесса.

Словом, песни «Зинзивера» адресованы чутким душам и сердцам, не окосневшим в слоях равнодушия и прагматизма, и песни эти протягиваются в вечность, всегда более благосклонную к художественному слову, нежели современность.

Александр БАЛТИН

ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
РАЗ, ДВА, ТРИ

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра», газеты «Литературные известия» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ПОКУДА СЕРДЦЕ ТУК-ТУК-ТУК

Покуда сердце — тук-тук-тук,
Покуда времечко — тик-так,
Скучать и хныкать недосуг,
А неприятности — пустяк.

Пускай не все еще — тип-топ,
Пускай я строю жизнь — тяп-ляп,
Пускай не счесть тревог-хвороб,
Я все же духом не ослаб.

И даже если я ку-ку,
Я знаю: жизни не каюк,
Покуда ноги волоку,
Покуда сердце — тук-тук-тук.

2018

ОНИ СО МНОЙ СЕЙЧАС

Не степь да степь кругом,
А смерть да смерть кругом,
Как написал поэт Георгий Оболдуев.
Смерть лезет напролом,
Смерть лезет напролом,
Добычу, точно зверь, внезапную почуяв.

Но смертью смерть поправ,
Встает Спаситель, нрав
Смягчается большой-и-крошечной Вселенной.
И смерть бежит стремглав,
И смерть бежит стремглав
Из жизни воскресенной и бесценной.

Я начал понимать,
Что живы брат и мать,
Они со мной сейчас, хотя в иных пределах.
И смерть уходит вспять,
И смерть уходит вспять.
И ангелы летят в своих одеждах белых.

2020

СРЕДИ ВЕРБАЛЬНЫХ ТРАВ

Je ne regrette rien — поэт Эдит Пиаф.
О чем-нибудь жалеть и я не вижу смысла.
Я долго шел один среди вербальных трав,
Считаю и люблю кондратовские числа.

Я долго шел один, я поле перешел.
И я увидел дом и свет в конце тоннеля.
Подошвы башмаков истерлись в порошок,
Но я нашел рожок и дудку менестреля.

Je ne regrette rien — остались позади
И поле, и овраг, и перелески с чащей.
Я сам себе шепчу: «Гляди в себя, гляди!»
И дудочка со мной, и мой рожок звучащий.

2018

СПАСЕНИЕ

Жизнь коротка, а боль остра.
Но разве жить устану?!
Поэзия, как медсестра,
забинтовала рану.

Грехи растут — точь-в-точь осот.
Трон крепок Люцифера.
Я знаю, что меня спасет
поэзия — как вера.

В поэзии сквозит родство
с религией исконной.
Поэзию сравню с живо-
творящею иконой.

Жизнь коротка, но хныкать — блажь.
Жизнь — и любовь, и благо.
...В руках обычный карандаш,
обычная бумага.

2019

ЯЗЫК ТРАВЫ

Что будет далее? Тревога
Засела у меня внутри.
А меценатов (кроме Бога)
Совсем немного. Раз, два, три.

Я лез во все дела, повсюду
Хотел успеть — увы, не смог.
Что будет далее? Я буду
Сажать картошку и чеснок.

Живя тишайше, по старинке,
Прощусь со спешкой городской.
Копаясь в раменском суглинке,
Душевный обрету покой.

И, сидя под плакучей ивой,
Глотну, не плача, синевы.
А после выучу красивый
Язык травы.

2020

ДАЧНИК

Я повесил в доме занавески.
Вроде бы — безделица, пустяк.
А душа румянится по-детски,
Как советский светится пятак.

Я поставил у крыльца скамейку
И сажу с карандашом в руке.
Может быть, какую-то идею
Раскопаю в собственной башке.

Ни в какие тайны мироздания
Я, сказать по правде, не проник.
Но, забыв про возраст увяданья,
Замастырил сказочный парник.

В этом парнике растет редиска,
Огурцы пронзают высоту.
И хотя финал довольно близко,
В этом парнике я сам расту.

2020

АНГЕЛ

А когда судьба меня сурово
Тюкнула по темечку клюкой,
Ангел прилетел ко мне в Быково,
Ангел замечательный такой.

Ангел прилетел и стал со мною
Жить, как люди смертные живут;
Восхищаясь красотой земною,
Создавая в хижине уют.

Я чуть-чуть очухался, я силой
Снова хоть какой-то наделен.
Не хочу, чтоб ангел этот милый
Улетел, как птичка, за кордон.

Я пристроил к хижине терраску,
Крышу подлатал и потолок.
И съестных запасов под завязку
Из «Магнита» резво приволок.

...То, что было, я за то в ответе.
То, что будет, не ропща, приму.
Я живу давно на белом свете.
И не удивляюсь ничему.

Я живу давно, любое слово
Доброе дороже, чем еда.
Ангел прилетел ко мне в Быково.
Я хотел бы верить, навсегда.

2022

РЕКЛАМА

интернет-магазин издательства «Вест-Консалтинг»
WWW.LITLAVKA.RU
Широкий выбор книг по ценам издательства. Тел. для справок: (495) 971-79-25

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Книга прозы **Леонида Фадеева** (1935–2012), выпущенная издательством «Вест-Консалтинг», свидетельствует о широте диапазона автора, показывает, как тонко поэт чувствует прозу, строя дом ее из материала не столько опыта, сколько музыки, хотя черпая, конечно, из пространства юдоли.

Рассказы и повесть — так членится книга; и рассказы словно напитаны соком солнца, действием детства, хотя часто опалены дыханием трагедии.

Вот «Витёк» — мальчишка; вот война, и мальчик мог умереть от истощения, но нет — выходили в деревне, отпоили молоком; и проявляется несущимися лентами жизнь, опаленная трагедией, и все равно — жизнь, жизнь, солнце, счастье соучастия в космосе реальности, какая уж ни будь.

«Первое сентября»... Рассказчик, идущий утром на работу, встречает девочку, спешащих в старший класс, и множественность ассоциаций вспыхивает цветными огнями.

Проза Леонида Фадеева — ассоциативная, одно влечет другое, красиво выписываются орнаменты бытия, такие обыденные, столь тайно-сложные, так связанные с мирами, которых не видим, только ощущаются они — определяющие оную явь.

Леонид Фадеев
Хлеб Диогена, или Записки дворника
М.: «Вест-Консалтинг», 2022

Фразы длятся, как поэтические строки: точно играя звуком, играя — но совершенно всерьез:

«Лесная дорога, переползая через колдобины, налитые доверху желтоватой водой, и шишковатые суставы корневищ сосен, вынырнула вместе с нами на зеленый лоскут озими, густой и тучный от избытка силы весенней земли. И мы с мамой увидели хутор».

Блины становятся персонажем одноименного рассказа, и, дарящие сонную сытость, вспоминаться будут... маленькими солнышками.

Повесть «В тихом переулке» строится сухо, точно, деловито: работа учреждения, и все, что связано с ней, живописуется кропотливо, но снова — нет-нет — да и почувствуешь поэтические струи, плавно омывающие произведение...

Книга прозы Леонида Фадеева называется оригинально: «Хлеб Диогена, или Записки дворника», и... ее стоит прочитать.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия
«АВАНГРАНДЫ»

Среди авторов издательства —
первоклассные поэты:

Сергей Бирюков, Арсен Мирзаев, Александр Вепрёв, Андрей Ширяев, Ян Бруштейн, Анатолий Кудрявицкий, Сергей Попов, Александр Тимофеевский, Сажа Вепревадзе, Анна Гальберштадт, Эдвард Хирш, Константин Кедров-Челищев, Елена Кацюба,

Юрий Казарин, Юрий Влодов, Евгений Волков, Лидия Григорьева/Роза Виноградова, Анатолий Малкин, Ольга Ильницкая, Александр Казинцев, Ольга Ефимова, Григоре Кипер, Ирина Голубева.

НОВИНКИ СЕРИИ

Александра Крючкова, Любовь Берёзкина, Елена Талленика, Николай Архангельский и Елена Ткачевская.

Книги выходят по инициативе издателя — кандидата филологических наук, Президента СП XXI века **Евгения Степанова**.
<https://reading-hall.ru/publishers/i-e-stepanova.php>

ДОРОГАМИ РОССИИ

В ГЕЛЕНДЖИКЕ ВСЕ ПРЕКРАСНО, КРОМЕ ЦЕН

В Геленджике все прекрасно. И море, и горы, и набережная (протяженность: 14 км), и дома, и пансионаты... Вот только цены кусаются. На ПМЖ сюда переехать очень сложно. Цены растут каждый год. Например, в 2023 году однушка в 30 метров в двухэтажном доме барачного типа стоит 9 миллионов, двушка в 80 метров в ЖК — 25 миллионов, домик общей площадью 90 метров — 22.500.000, а коттедж в 130 метров — 30.000.000.

То есть цены выше московских.

Разговорился со знакомым риелтором. Он говорит:

— Цены на дома будут расти. На квартиры, может быть, и снизятся потом, но пока такой тенденции нет. Геленджик очень комфортный для жизни город.

Ну что ж, мы переезжать и не собираемся. А вот приехать в отпуск — милое дело. Отдых в Геленджике дает заряд энергии на много месяцев вперед. Все здесь радует глаз...

Евгений СТЕПАНОВ,
фото автора

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

Екатерина Кордюкова

Русская весна

Библиотека Поэтограда

М.: «Вест-Консалтинг», 2023

Резкие молнии строк бьют в читательское сознание, словно высекая из него духовную кровь — соучастия в поэтическом действе, в своеобразной мистерии, представляемой поэзией **Екатерины Кордюковой**:

Металась буря, швыряя волны,
Освобождая теченьям путь,
Глаза прищулив от вспышек молний,
Я в ночь смотрела, боясь уснуть.

А буря была с размаху в стены,
Слепила окна, стучала в дверь,
И с челки моря сдувая пену,
Топила лодки своих потерь.

Сильная эмоциональность строк строит панорамы выпуклые, кипящие плазмой жизни и обладающие той полноценностью, когда сразу раскрывается очевидность дара.

Книга Екатерины Кордюковой «Русская весна», вышедшая в престижной серии «Библиотека Поэтограда» издательства «Вест-Консалтинг», разнообразно представляет поэта: его горячо пульсирующее сердце, уровень мировидения, тонкие волокна ощущений, золотисто переводимые в суммы строк.

Раскрывается цветком мудрая нежность, и необыкновенно звучащее, словно используется пианистическое туше, стихотворение, таинственно названное «На пути в молчание», плавно входит в читательский пантеон:

Тихие аллеи
В белом полусне,
Реки обмелели
И упали в снег.

И лежит на ветках
Белая эмаль,
Об ушедших предках
Светлая печаль.

Интересно работает звукопись поэта; словно переключаются буквы, порой — становясь играющими детишками:

Золотым признаньем лета
Я растрогана, как встарь,
В печку — зимние советы
И бессовестную хмарь.

Вибрирует «з» — будто пчелы — эти необыкновенные летающие цветы природы — оказываются рядом...

...Мистика снега всегда связана с поэтической тайной мира, и Екатерина Кордюкова, предлагая свой образ снежности, исполняет мелодии тихие, умиротворяющие, хотя и печальные:

Снова снег закружил за окном,
Заметая следы и дороги,
Все бывшие слова и итоги —
Все исчезло под белым ковром.

Ни обид, ни сует, ни тревог,
Ни сомнений, ни прожитой боли,
Только чистое снежное поле,
Словно белый пуховый платок.

Завернуться бы в этот платок, забыв все тугие тяготы мира... Знаково, что стихотворение, завершающее книгу, носит имя «Слово».

Глобальное, неразгаданное понятие, и произведение Кордюковой пронизано библейским, тяжелым, томящим звучанием:

По крышам, сожженным закатом,
По жизням, развеянным в прах,
Ты ходишь и носишь как плату
Печать тишины на устах.

Бывшее уже замолчало,
Грядущему нечем сказать,
А ныне — нам мало, так мало
Отмерено существовать.

Жизни всегда мало — и в восемьдесят лет будет казаться, что жил... две секунды; но в книге Екатерины Кордюковой — ее избыточно: она плещет и блещет, как фантазмагорическая рыба в пластах альтернативных небес, где сходятся все стихии, а вопрос является и ответом; жизнь играет — напряжением и скорбью, нежностью и ощущением природы как родного естества, красками и их оттенками...

Тем и интересна предложенная переогромленному граду и иссутившемуся миру книга стихов «Русская весна».

Александр БАЛТИН

ЕКАТЕРИНА КОРДЮКОВА
СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ КНИГИ
«РУССКАЯ ВЕСНА»

С НЕЖНОСТЬЮ

Вы с нежностью забудьте обо мне,
Скорбь о растрате пусть не гложет душу,
Я пустоты звенящей не нарушу,
Уйдя по гулкой галерее дней.

Вы просто отойдите от огня,
Чтоб не расплавить шоколадных пряжей,
Чтоб сказанное не варилось в яде
И горечью не ранило меня.

Побудьте тем, кто в Вас давно угас,
Чтоб не оставить за собой развалин,
И пусть Ваш вечер будет опечален,
Но утро снова приглубит Вас,
Рассыпав пепел прогоревших фраз.

МНЕ КАЖЕТСЯ

Мне кажется, ночь застыла
И застит твоё лицо,
Мне кажется, руки милой
Сковали тебя кольцом.

Мне кажется, что источник
Иссяк и ушла вода,
Душа выбирает точку
Отплытия в никуда.

Мне кажется, ты не видишь
Расщелины перемен.
Какой ты меня обнимешь,
Такой я и встречу день.

Но если созвездье судеб
Рассыпется, ночь дробя,
Какой ты меня разлюбишь,
Такой разлюблю себя.

СОГРЕВАЯ РАЙ

Снова снег закружил за окном,
Заметая следы и дороги,
Все бывшие слова и итоги —
Все исчезло под белым ковром.

Ни обид, ни сует, ни тревог,
Ни сомнений, ни прожитой боли,
Только чистое снежное поле,
Словно белый пуховый платок.

Прислонись ко мне теплым плечом,
Отогрей от земного молчанья,
Прогорели в камине желанья,
Мы их прошлым с тобой наречем.

Мы с тобой будем пить черный чай
Из изящных фарфоровых чашек,
Глядя в заводи снежных ромашек,
Согревая наш маленький рай.

НЕТ ВЕСТЕЙ

Ушел ты, милый, на войну,
И нет давно вестей,
Я ляжку без тебя тяну,
Живу среди теней.

Я в мир смотрю через стекло,
А вижу лишь тебя,
Я верю, ты сломаешь зло,
Наш мир не погубя.

Молю, любимый мой, вернись,
Иль дай хотя бы весть,
Мы парой бы взлетели ввысь,
Чтоб людям песни петь.

Не верю я, что ты пропал,
Что жизнь моя темна
И в мир завешенных зеркал
Я перейти должна.

А верю в то, что мы с тобой,
Как цельное зерно,
Вдвоем нам послан каждый бой,
И счастье нам — одно.

С ГОДАМИ

С годами я легче тебя понимаю,
Тем легче, чем ближе подходим мы к краю,
Тем проще, чем меньше осталось идти,
Тем глубже, чем явственней смерть впереди.

Достаточно жеста, движения, взгляда,
Чтоб я прочитала стихи листопада,
Услышала музыку в талой воде —
И все это взглядом вернула тебе.

Уходят слова зимовать под снегами,
Но в нас остается спокойное пламя
Гореть до конца, до последних углей,
До серого пепла от прожитых дней.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ПОЛНА СТИХАМИ...»

(к 120-летию Е. А. Благиной)

Часть 1

Со стихами **Елены Александровны Благиной** (1903–1989) у людей разных возрастов и уже нескольких поколений наверняка связаны самые ранние и самые светлые, теплые воспоминания: о детстве, родительском доме, семье и прежде всего — о маме. Облик поэтессы с добрым милостивым лицом, участливым взглядом на многих ее фотографиях излучает прямо-таки материнскую заботу и нежность, добросердечие, отзывчивость, чуткость.

Вот такая мама —
Золотая прямо!

Эти знаменитые стихотворные строчки Благиной — словно и о ней самой, и о каждой любящей и любимой маме.

А еще Елена Александровна своей наружностью напоминает учительницу прежних времен — терпеливую, внимательную, любящую детей не «по долгу службы», а самоабвенно, по-настоящему. Ту, что называют «учитель от Бога».

Неслучайно Благинина — внучка православного сельского священника с необычайно светлой и ласковой фамилией Солнышкин — с ранней юности мечтала стать учителем, воспитателем детских душ, вселять в них «разумное, доброе, вечное». Ей хотелось, чтобы каждый ребенок, по евангельскому слову, «преуспевал в премудрости, и возрасте, и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2:52).

В 1921 году девушка начала учиться в Курском педагогическом институте. Жизнь в те годы у большинства советских людей была бедная, трудная. «Одежда плохая, но хожу, — писала Елена об институтских занятиях. — Быта не замечаю — полна стихами». Курский союз поэтов принял Благинину в свою организацию. Молодая поэтесса вспоминала то время с восторгом: «Мир засиял такими красками, таким торжеством... Блок, Брюсов, Белый, Пастернак, Асеев, Ахматова, Цветаева, Есенин, Маяковский — поэты, которые до вступления моего в кружок были мне совершенно неизвестны. Много читала. Писала стихи».

Поэтесса в кругу школьников и учителей (третья справа в первом ряду). 1939 год

Любовь к поэтическому творчеству возобладала, взяла верх над стезей педагогической. В 1922 году Благинина уехала в Москву и поступила в Высший литературно-художественный институт. И снова — нужда, бытовая неустроенность, бедность: «В Москве я оказалась без дома, без денег, без работы». И вновь — поэтический энтузиазм: «Тогда впервые увидела и услышала Маяковского, Асеева, Пастернака, Сельвинского, Антокольского и др.».

В Елене Александровне открылось ее подлинное призвание истинного детского поэта. Благодатью веет от стихотворений Благиной, посвященных и адресованных детям. Задушевные милые строчки словно бы подтверждают фамилию их создательницы, корень которой — благо. У каждого глубоко в душе берегутся благининские стихи как знак далекого детства. Когда вдруг всплывут они из тайников памяти, человек даже преклонного возраста способен ощутить благодать, непосредственность этих поэтических строк и на миг превратиться в того ребенка, каким он был когда-то давным-давно. Но, может быть, забыл об этом, казалось бы, навсегда.

Деревья те, что мы любили,
Теперь срубили...
Цветы, которые мы рвали,
Давно увяли...
То пламя, что для нас горело,
Других согрело...
Сердца, что рядом с нами бились,
Остановились.
И только песня остается
И все поется,
Все поется...

О благодатной силе воспоминаний детства глубоко размышлял Ф. М. Достоевский (1821–1881), который в собственной семье был прекрасным отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской натуры. Он делал все, «что можно было сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». Писатель знал, как много значат воспоминания, вынесенные из детства, из родительского дома, поэтому так заботился о накоплении светлых благих впе-

чатлений в своих детях. «Сердечная, всегда наглядная для них забота ваша о них, любовь ваша к ним согрели бы, как теплым лучом, все посеянное в их душах, и плод вышел бы, конечно, обильный и добрый», — обращался в «Дневнике писателя» ко всем родителям Достоевский. Он воспринимал пору детства как спасительную духовную ценность, способную повлиять на последующее развитие человека и даже определить его судьбу: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек».

О том же говорит и любимый герой Достоевского в его последнем романе «**Братья Карамазовы**» (1881) Алёша Карамазов, обращаясь к мальчикам-гимназистам: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь такое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение».

Стихи Благиной о детях и для детей дарят именно такие воспоминания.

«Будьте как дети» — этот призыв Христа продолжает оставаться вечно новым и актуальным, как и Новый Завет в целом. В Святом Евангелии детская душевная чистота и естественность возносятся на неизмеримо высокий духовный уровень по сравнению с мудрствованиями взрослых, погруженных в губительное коловращение житейской «суеи суеи». На вопрос Своих учеников: «кто больше в Царстве Небесном?» (Мф. 18: 1) — Христос дает ответ, казалось бы, парадоксальный: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18: 3–5). В системе христианских духовных ценностей и евангельских антиномий последние становятся первыми, меньшие — большими.

Подобным было и мироощущение Благиной. Ей не по душе надменные расчетливые умники-рационалисты, утратившие свет духовный, не замечающие истинной красоты нерукотворного Божьего мира:

Мне жаль суровых и надменных.
Пусть мир их сложен, пусть богат,
Они чудес обыкновенных
Не видят, видеть не хотят.
Им хлеб — не всласть,
Вода — не в милость,
Им ночь — не в отдых,
День — не в свет.
В них как бы радуга затмилась,
Весь пыл ее сошел на нет.

Продолжение на стр. 11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ПОЛНА СТИХАМИ...»

(к 120-летию Е. А. Благиной)

Часть 1

Продолжение. Начало на стр. 10

Сама поэтесса — в кругу тех, кто не утратил душевной ясности, по-детски чистого восприятия жизни, сохранил Божьи заветы добра, красоты и правды и готов щедро делиться ими, одаривая людей «цветами радости»:

А мы, не мудрствуя лукаво,
Стоим на страже простоты,
Даря налево и направо
Житейской радости цветы. («О тех, кого мне жаль»)

В благининском нелукавом творчестве дети обрели свой голос. Маленьким героям доверила поэтесса право самим рассказывать о себе и о том, что они видят, чувствуют, о чем думают, как постигают мир. Впервые русская лирика зазвучала такими чистыми, звонкими, неподдельными детскими голосами. Интуитивно чуткое проникновение в возрастную психологию, дар понимания души ребенка, талант любви, которым от Бога изобильно была наделена Благинина, сделали возможным то, что в ее стихах своим собственным языком заговорили и дошколята-малыши, и первоклашки, и ребята постарше.

«Посидим в тишине» — пожалуй, самое известное из детских стихотворений Благиной, любимое многими поколениями детей и мам. Девчушка — хозяйка приутихших игрушек — вместе с ними замирает, оберегая мамин сон, сдерживает свою энергию, желание поиграть, попеть.

Всего лишь единственная строка в начале стихотворения, снабженная выразительным многоточием: «Мама спит, она устала...» — говорит о многом, содержит, в том числе, социально-политическое содержание. В стране Советов женщина должна была быть, что называется, «многограночницей»: работницей или колхозницей, ударницей труда на производстве, общественницей вне работы, нередко участницей кружков художественной самодеятельности, хранительницей семьи как «ячейки общества», примерной женой, заботливой матерью. И, конечно, вечной труженицей в домашнем быту: кухаркой и посудомойкой, швеей и вязальщицей, гладильщицей и прачкой, горничной и огородницей на подсобном земельном участке — всего не перечислить. Такое положение дел никого не смущало. В те годы утверждалось: «Советская женщина должна все успевать!» Неудивительно, что в благининских стихах такую женщину-мать, утомившуюся от бесконечной круговерти забот и хлопот, сморил сон посреди бела дня — наверное, в единственный ее выходной.

Заботливая дочка не позволила шаловливому солнечному лучу потревожить маму, и говорящий лучик присмирел, тоже проявил жалость и снисхождение:

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул ко мне.
— Ничего, — шепнул он будто, —
Посидим и в тишине!

В «Стихах о елке, о сером волке, о стрекозе и о бедной козе» маленькая героиня трогательно заботится о елочных игрушках, чтобы им было удобнее, безопаснее; заводит с ними беседу:

Люблю я у елки одна посидеть.
Люблю я как следует все
разглядеть:
Какие игрушки, не скучно ли им,
Иль кто недоволен
соседством своим.
Вот рядом с Морозом
висит стрекоза.
А с волком зубастым,
смотрите — коза.
Я думаю, холодно тут стрекозе
И очень уж страшно
бедняге-козе.
Я рядом с Морозом
повешу звезду,
А козочку эту сюда отведу.
Тут, кстати,
цветочек расцвел золотой
И солнышко светит... —
Ну, козочка, стой!

Видя и слыша эту участливую выдумщицу под новогодней елкой, поневоле вспомнишь и свои елочные игрушки — фамильные, сохранившиеся еще от бабушек и от родителей. У кого из нас не дрогнет сердце при виде старинной елочной игрушки! И тогда невозможно не согласиться со знатоком детских душ, великим писателем-христианином, классиком мировой рождественской литературы Чарлзом Диккенсом (1812–1870): «Ведь так отрадно порой снова стать хоть на время детьми! А особенно хорошо это на Святках, когда мы празднуем рождение Божественного Младенца».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

Окончание в следующем номере

**Иллюстрации для оформления статьи
предоставлены автором**

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА

В ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ГАЗЕТЕ
«ПОЭТОГРАД»

тел.: • 8 (495) 971 79 25

почта • POETOGRAD@MAIL.RU

сайт • <http://www.poetograd.ru/>

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 20 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Час Быка».
3. Автор романа «Отец Горио».
5. Автор романа «Бегущая по волнам».
6. Автор романа «Ариэль».
7. Автор романа «Анна Каренина».
9. Автор романа «Человек-невидимка».
11. Автор романа «На ножах».

По вертикали:

2. Автор романа «Игрок».
4. Автор романа «Приключения Оливера Твиста».
8. Автор романа «Мастер и Маргарита».
10. Автор романа «Лунный камень».
12. Автор романа «Маски».
13. Автор романа «Отцы и дети».

**Кроссворд
составила
Ольга ЕФИМОВА.**

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ 1589. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007